

НОМИНАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ УГОЛОВНЫХ ЖАРГОНАХ

Аурика Червински и Маргарита Надель-Червиньска
Центр лингвопсихологии NICOMANT, Иерусалим, Израиль
и
Силезский университет, Польша

Потребность презирать и унижать слабого основывается на том, что человек *зоны* несвободы и ограниченного передвижения является изгоем и потому чувствует себя ущербным. Унижая при этом другого, неполноценный человек чувствует себя как бы менее неполноценным. И если место в иерархии преступной среды представляется для него критерием ценности человека, то он может чувствовать себя вполне на высоте, когда ему удастся унижить человека более достойного, чем он сам. А унижение другой личности, слабой и зависимой в любом отношении, - это одна из основных и немногочисленных потребностей *заключенного* и вообще носителя уголовной психологии. Назовем и сформулируем ее как потребность *унижать и не быть униженным*. Такие отношения широко отражены в уголовном *арго* и в коммуникативных моделях криминального мира: 1) *субъект насилия* (преступник) - *жертва насилия* (физического, полового, психологического) и 2) *палач* (преступник как личность садистического характера) - *его жертва* (как объект реализации его садистских потребностей). Такие рече-ситуативные отношения широко отражены в преступной среде и в средах к ней маргинальны.

Последними являются, в силу тех или иных обстоятельств, пограничные среды бытования русскоязычного криминального жаргона, т.к. число лиц, за годы советской власти перебивавших в зонах заключения (лагерях) во много раз превысило число лиц, реально осужденных и отсидевших срок за те или иные уголовно наказуемые действия. Для сопоставительного анализа жаргонной лексики в русском и польском языках мы выбрали два самых солидных, на наш взгляд, словарных издания, приблизительно аналогичных по объему, каждое около 35-ти тысяч единиц: *Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона, в 2-х томах., Москва, 1997*, и *Ślepniak K. Słownik tajemnych gwar przestępczych, London, 1993*, с учетом материала *Словаря тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Юсупов, Москва, 1992*. Однако следует заметить, что взятые нами за основу анализа словари, русские

и польский, значительно отличаются по составу лексики, по тематике и по времени речевой активности данных лексем.¹

Специфика отношений в криминогенной среде, контингент которой является носителем уголовных сознания и психологии, всегда и во всем предполагает взаимоотношения извращенного² характера - как на уровне речевом, так и на уровне поведенческом. В данном случае остановимся на первом, вербальном, аспекте коммуникативных проявлений данных субъектов (носителей уголовного жаргона). Обратим внимание на то, что основным принципом высказывания на языке этого жаргона является демонстрация силы³. Речевыми манифестациями (физической силы, бандитского опыта, знания воровского закона) субъект стремится подчинить себе объект либо объекты речи, продемонстрировав при этом свое безусловное превосходство (над ним или над ними). Форма же самоутверждения за счет другого и в ущерб другому свойственна людям, которые не обладают потенциями самоутвердиться иным способом. Поэтому в уголовном мире любой недостаток, любая ущербность (хоть малейшая и, казалось бы, незначительная) берется на вооружение - и прежде всего в речи. Берется для того, чтобы можно было унижить другую личность, поиздеваться над ней вдоволь.

Поскольку внутренним, душевным и интеллектуальным, качествам личности в криминальной среде не уделяется внимание, то на вооружение обычно берутся внешние недостатки и изъяны, материальные связи и признаки. В их число при этом попадают и такие, как а) *непохожесть на других*, б) *недостаток ума* (о котором каждый может судить со своей колокольни), в) *плохая*, либо чем-то *необычная одежда*, г) *психические заболевания*, д) *изъяны внешности*, е) *выдающиеся, искривленные или несоразмерные части тела*, ж) *необычные бросающиеся в глаза привычки* (которые не считаются нормой или привилегией в уголовной среде), з) *материальная зависимость*, и) *очевидное нарушение правил и запретов* криминогенного сообщества и зоны принудительного заключения, а также к) *нежелание следовать законам*, принятым в этой среде.

Таким же внешним недостатком, бросающимся в глаза и потому очевидным, а следовательно и демонстративно презираемым окружением (т.е. уголовной субкультурой) всегда являются также: л) *национальность* человека, м) его *религиозная*

1. Например, словарь К. Степняка включает в себя большой массив *школьного* жаргона, что несколько противоречит задаче собирателя. Тот же словарь отражает, по ряду признаков собранной лексики, современное состояние польского уголовного жаргона, в то время как в словарях Д. Балдаева уголовный жаргон представлен широко, в историческом своем развитии, и включает единицы как XIX, так и XX столетий. В первом издании шире чем в двух других, представлены лексикон *алкоголиков* и жаргон *наркоманов*, однако уже отражены структура советских карательных органов и их тюремно-лагерной системы (что закономерно определяется, по-видимому, несоразмерностью территориальных пространств и размахом красного террора в Польше и в России). Сами различия использованных при нашем анализе словарных фондов позволили сделать некоторые интересные выводы, излагаемые нами в конце статьи.
2. Самими условиями жизни.
3. Физической ли *силы кулака*, авторитарной ли, характерной для *воров в законе*, мнимой ли, на уровне *блефа*.

принадлежность, и) цвет его кожи, если иной, чем у большинства. Однако именно большинство устанавливает правила и нормы поведения (в том числе и в искусственно замкнутом пространстве тюрьмы и зоны), именно большинство требует уважения к своим законам, а нередко и полного им подчинения. Как гласят русские пословицы - *В чужой монастырь со своим уставом не лезь*⁴ и *В Тулу со своим самоваром не ездят*⁵. Можно заметить, что многие из этих недостатков, вменяемых в вину человеку уголовной средой, не зависят от него самого (их носителя). Часть из них конституциональны либо выработаны воспитанием, или же вызваны вынужденным в данный момент положением. Для того же, чтобы избежать унижения, вовсе не нужно обладать достоинствами: они просто не оцениваются. В то же время, видимый изъян и недостаток - каковыми, с точки зрения деклассированного уголовного элемента являются *национальность, вероисповедание и цвет кожи* - можно найти у кого угодно. И далеко не каждый презираемый *сможет за себя постоять*: хотя физическая сила - не достоинство, здесь царит исключительно ее культ (*закон кулака*). Для обладания этой силой вовсе не нужно особой мускулатуры и бойцовых качеств: физическая сила в уголовном понимании - это всего лишь способность подчинить себе другого, любой ценой, вплоть до *удара ниже пояса*. Подчини себе физически сильных хитростью или как-нибудь иначе - и ты уже неуязвим (пока, конечно, у тебя есть власть и нет на тебя сильнеешего).

1. Наиболее характерным, выпирающим и потому обращающим на себя внимание признаком является человеческий нос - его форма, размер, кривизна, что, как предполагается, свидетельствует, особенно в русскоязычном жаргоне, о национальной принадлежности объекта высказывания (восточный человек, сибиряк, африканец, азиат, либо еще конкретнее - кавказец, армянин, еврей либо грек, испанец, итальянец, француз). И человек называется по данному признаку (нос): 1) *binio, czerwień, dziagan, dzięcioł, dziób, dzub, fuga, funkcol, gasidło, gaśnica, gaśnik, gil, gilon, gingon, glut* (польск.), 2) *шнобель, рубильник, свисток, руль, пятак, крюк, клюв, шишка (на ровном месте), дятел, носастый* (русс.).

Оскорбительность такой номинации дополнительно усиливается общеевропейской, традиционно фаллической, семантикой *носа* (как части лица и тела). Польскому жаргону свойственно обилие оскорбительных и презрительных названий человеческого носа (а именно: носа у объекта речи), так же как свойственны - более, чем русскому жаргону, - номинации других недостатков внешности человека и, прежде всего, его лица (формы глаз, цвета волос и пр.). Однако национальная принадлежность этих высмеиваемых черт как бы смазана и неявна. Во всяком случае, она не так акцентирована, как в русскоязычном аргументе, где форма и размер носа свидетельствуют, по мнению субъекта речи и прежде всего, о национальной принадлежности объекта речи. И именно *национальность*, как отличие от искусственной безликости принадлежности к *русскому* (и советскому), является осуждаемым и презираемым недостатком личности.

4. Т.е. туда, где есть свой *устав*, так же, как и в преступном мире, в лагерной зоне.

5. Туда, где сами делают эти *самовары*.

2. В качестве номинации национальной и - как подразумеваемое следствие первой - религиозной принадлежности в польском и русском жаргонах часто используются так называемые *говорящие* имена: благодаря им принадлежность коммуникативных объектов к определенным народностям, с точки зрения субъекта речи, очевидна. Национально-религиозная принадлежность в русскоязычном арго более актуализирована - вероятно, как следствие многонациональности контингента в зонах принудительного заключения (тюрьмах и лагерях)⁶ При этом и в любом случае имена эти в обоих жаргонах приобретают значение и нарицательное и типическое:

1) для польск.: *abdul* (дурак + жертва преступности, из арабских стран), *abrahaaj* (крестьянин, работник на селе + еврей), (милиционер + свидетель <— первоначально “еврей”), *adela* (женщина + проститутка <— первоначально “немка”), *aids* или позднее искаж. *adidas* (прокурор, суд, полиция + заключение в тюрьме, зоне <— первоначально, из русск. арго, “солидный еврей”), *anastazja* (проститутка, обслуживающая членов сейма <— от русск. имени, имени дочери последнего царя, о которой в Европе после расстрела царской семьи ходили разные слухи), *benek* (<— от евр. имени Бенья, Биня, Бенжамин), *berek* (избиение <— от евр. имени Берк(еле), Берл), *brygidka* (красивая девушка <— легкомысленная француженка, как в кино, от Б. Бардо), *eta* (женщина <— первонач. “немка”), *fred* (начальник колонии для несовершеннолетних + иностранец как жертва преступления <— вероятно, от Z. Freud), *froim(ek)* и *frajm, frym* (удобная жертва разбоя + человек чужой, наивный и глупый, + бездельник и дрянь + неосторожный человек, то же что *фраер*, + парень из деревни + *стукач*, доноситель + арестованный, т.е. давший себя арестовать, + присваивающий народное хозяйство <— от еврейск. имени Фроим, Эфраим), *froj* (чужой человек + жертва кражи + мелкий преступник, на посылках у *авторитетов*, <— от еврейск. имени Фроим —> *frojda* - “разбой”, “кража со взломом”), *frys* и *frysek* (немец + мелкий вор + профан в карточной игре <— от немецк. имени); *gad* (полицейский + дружинник + прокурор + судья + директор колонии для несовершеннолетних + лагерный охранник + ночной сторож + предатель + жертва преступления, часто из деревни, и др. <— от еврейск. имени, библейск.), *ganef, ganew, genef* (вор-карманник + мошенник + еврей <— из еврейск.: от [gonev] “защищать” и [gunedev] “старший офицер тюремной службы” либо же от [ganeva] “кража” и [ganuv] “скрытый”),

2) для русск.: *абрам, абраша* (еврей; еврейск. имя), *адик*, а также *адольф* и *гитлер* (немец + фашист, гестаповец и садист), *аза* (молодая цыганка), *алёшка* и *алексей алексеевич* (устар. официант, швейцар + прислужник авторитетного вора), *алик* (пьяница; от *алкаш*), *антон* (дворник и по должности *стукач*, осведомитель), *анчутка* (черт + ненадежный, не вызывающий доверия человек), *асей* (иностранец), *богдыхан* (начальник ИТУ⁷ + азиат, кавказец), *ваня* (глупый, недалекий человек + малограмотный человек + русский —> *ванька* -

6. А также благодаря широкой историко-языковой ретроспективе, которую фиксируют русские словари.

7. Исправительно-трудовая колония, т.н. лагерная зона принудительного заключения.

подследственный, симулирующий психическое заболевание; *ванька-встанька* - легко возбуждающийся мужской половой член + рядовой работник), *гириш* (дряхлый + худой + еврей <— от евр. имени Гириш, Гершель, Герцеле), *джон* (иностранец, из капиталистических стран; ср.: *дэжоржик* - окуроч, приклеенный к стене, потолку), *додик* (молодой пассивный гомосексуалист + женственный, женоподобный мужчина <— от евр. имен Давид, Дов).

3. Оценочными номинациями являются также названия национальной либо национально-территориальной принадлежности и их производные, с акцентированным семантическим переносом:

- 1) *afrykanec* (подвальный вор + темнокожий как жертва преступности), *amerykan(in, iec)* (жертва кражи + заключенный-новичок и др.), *amigo* (приятель и доверенное лицо), *arab* (жертва карманника + мошенничество + чернорабочий + полицейский), *bez arab* (человек чужой, но не вор <— первонач. инородного происхождения), *czerniak* (цыган), *chinczyk* (молодой неопытный преступник), *chrystopradawiec* (еврей, от Иуда, евангелич.), *hebra (chebra —> chewra, hewra)* (воровская группа и вообще преступная среда <— от “еврей” и “еврей”; ср. многозначное польск. *żyd* как “начальник тюрьмы”, “скупщик краденого”, “мошенник”, “фальшивщик документов”, “опытный содельник”, “богатая жертва преступления”, “адвокат” и даже совр. “директор школы”; а также *żydek* как “бандитский нож”, “мошенник”, “ювелирный магазин”; *żydlacz* и *żydlak* как “еврей”, “скупщик краденого”, “мошенник и лжец”, даже совр. “торговец наркотиками”, несмотря на распространенное убеждение в том, что “евреев в Польше больше нет»; —> *żydlaczć* как “торговать краденым”, “обманывать”, “тянуть следствие” и опять совр. “торговать наркотиками”; *żydowa* как “богатая жертва грабежа”; *zydowska kielbasa* как “чеснок” или “луковица” и *żydowski gajowu* как вообще “работники мест заключения»), *duży kozak* (опытный и хитрый преступник, посвященный в профессиональные тайны);
- 2) *абайм* (обманщик, лгун; из восточн.), *абас* (амулет, носимый в знак какого-либо обета, в память а ком-либо или о чем-либо, + глупый, недалекий человек + двадцатикопеечная монета), *афганец* и *афган* (убийца; однако имеется в виду участник советской войны в Афганистане), *барс* (вор-рецидивист кавказской национальности —> *барсик* - молодой мужчина, живущий на содержании богатой женщины в годах), *горный козел* (кавказец), *дикарь* (азиат + заключенный, совершивший побег из ИТУ в одиночку).

Как обобщенно-номинативные единицы жаргона выделим:

- 1) *афрыка* (крупная горячая ссора), *afrykański piesek* (милиционер + полицейский), *amerykański* (русский язык), *amerykańskie oszustwo* (подмена ценностей дешевой подделкой либо пачки денег - *куклой*, в русском контексте), *arafatka* (галстук и др., от арабского имени), *аза* (машина, перевозящая заключенных, <— от евр. имени; в русск. жаргоне *аза* - “красивая еврейка”), *chinska narkoza* (мешок с песком, которым оглушают жертву разбоя), *dola cygańska* (убийство вора-

соучастника, с целью присвоения всей добычи), *rosyjska* (разыскиваемый преступник), *rosyjski wór* (преступная банда), *ruska cytryna* (луковица), *ruska dolina* (грабёж с избиением жертвы), *ruska narkoza* (резиновый молоток или милицейская дубинка), *ruskie masło* (маргарин), *ruski perfumy* (слезоточивый газ); *wietnam* (подразделение в колонии строгого режима);

- 2) *американка* (игра в карты, в которой проигравший должен безоговорочно выполнить любое желание выигравшего, напр., убить кого-то по заказу), *аризона* (укромное место, используемое для пикников <— нечто нездешнее, райское), *аул* (казармы внутренних войск МВД по охране мест заключения + административное здание в лагере), *башкир* (милиционер), *китайская стена* (ограждение лагерной зоны + Кремлевская стена + безвыходное положение), *китайский доброволец* (трудолюбивый, исполнительный работник + завербованный рабочий), *японские глаза* (опухшее после запоя лицо), *японское танго* (карточная игра + глазок в двери камеры).

4. Особое место в жаргонных лексиконах занимают национальные номинации выражено оскорбительного характера - в отношении объекта речи, собеседника либо третьего лица, номинации типа:

- 1) *drwal* (швед <— от пренебрежит. “лесоруб”, соответствующее по окраске русск. *дуболом*), *gudłaj* и искаженн. *kudłaj* (еврей), а также *gudłajka* (еврейка <— и первое и второе - оскорбительное прозвище от *guda* - вульг. *vagina*), *faken* (гражданин США <— от выражения *fuck you!*);
- 2) *акробат* (армянин + пассивный гомосексуалист), *аноха* (умственно отсталый человек + наивный, простодушный, недалекий человек, типа *русского Вани*), *арина* (оскорбление у осужденных-мусульман, т.е. пассивный гомосексуалист), *армянская королева* (пассивный гомосексуалист), *армянская* либо *грузинская шутка* (анально-генитальный контакт с женщиной), *бажбан* (глупый, недалекий человек, восточного типа), *баклажан помидорыч* (презр. заключенный-фраер + заключенный-кавказец + *баклажан* - фунт стерлингов; и обратное: *это тебе не фунт стерлингов!* - это тебе не *баклажан*, не *фраер* и не кавказец), *баран* (денежная взятка сотруднику ИТУ за пронос в зону спиртного, чая и т.п. + заключенный, убитый ножом + азиат + дубленка, тулуп + глупый, недалекий человек —> *барашек* - то же, что *баран* + несовершеннолетняя жертва гомосексуалиста; *баранок*, *баранчик* - человек, живущий половой жизнью со своей матерью), *бундес* (гражданин федеративной республики германия, ФРГ), *водохлёб* (житель центральной России), *ганев* (вор + мошенник <— из др.-евр., т.е. плохой еврей), *гашун* (пьяница; то же), *дашнак* (армянин и гомосексуалист), *дедероны* и *дедерон* (граждане, гражданин Германской Демократической Республики, ГДР), *джигит* (активный гомосексуалист);

5. Номинации по выраженно национальной фамилии или подобному ей неологическому образованию:

- 1) *chabirowicz* (квартирный вор <— образование по аналогии с еврейск. фамилиями, от *chabira* - “квартира”), *eterman* (бандит и фашист, избивающий жертву до потери сознания, <— образование по аналогии с еврейск. фамилиями);
- 2) *абрамович* и *рабинович* (еврей <— образование по аналогии с еврейск. фамилиями), *носович* (то же, но по признаку “форма и размеры носа”).

6. Номинации по цвету кожи, а также по общему виду объекта речи:

- 1) польск.: *asfalt* (негр; ср. русск.: *асфальт тротуарыч* - “заключенный-фраер” + “городской житель”), *bosy brudas* (болгарин, а также еврей или же просто “человек восточного типа”), *czarnuch* (совр. негр), *czarny* (негр), *czerniak* (цыган), *murzyn* (негр), *świniak* (швед или датчанин <— похожи чем-то на свиней), *zółtek* (золото + рыжий человек, часто “еврей”, реже “немец”, + азиат, китаец либо японец + следственный офицер + во мн.ч., наркотик *барбитураты*); ср. русск. *черный*, *черномазый*, *черномордый*, *черножопый*, *арап с виду* (т.е. “армянин” и “грузин”, редко “еврей”, + вообще “кавказец” + многие “жители Средней Азии” + собственно “негр”, иногда “араб”); *желтолицый*, *косоглазый* (“китаец” и “японец”, а также “кореец” и “вьетнамец”, + советские “среднеазиаты” + некоторые “сибиряки” и “жители Крайнего Севера”);
- 2) русск.: *ада* (тайное укрытие, прибежище + молодая женщина цыганского типа, т.е. “черная”; от еврейск. имени и родового названия *Иегуда*), *амора* (цыган, т.е. с внешностью театрального *первого любовника*; ср.: *амара* - “проститутка”), *анджела дэвис* (смуглый, кудрявый пассивный гомосексуалист, армянского либо вообще кавказского типа), *арап* (наглый, дерзкий человек + аферист, мошенник —> *арапа заправлять*), *армяшки* и *армяшка* (кавказцы, кавказец; по внешности *черные*), *ашарашка* (азиат —> *ашаргать* - есть + питаться по пониженной норме, находясь под арестом или в заключении), *ашаргон* (азиат), *батый* (монгол, бурят, казах, киргиз, т.е. человек азиатского типа), *батя* (уваж. пожилой мужчина, условно славянского типа, + начальник отряда в ИТУ + бутылка водки + повар в зоне заключения + тот, от кого что-то зависит в тюрьме), *бандеры* и *бандеры* (украинцы, в т.ч. политзаключенные-украинцы), *басмачи* и *басмач* (азиаты, азиат), *башибузук* (головорез + бандит-азиат), *бедуин* (притесняемый осужденный - азиат или кавказец), *биби* (тетка-цыганка, с виду *чернявая* <— обращение у цыган), *блэки* (африканцы, *черные*), *братка* (пистолет + цыган; номинация по простецкому виду), *брачеха* (нерусская женщина), *брудель* (старый еврей <— грязный, “пархатый” и “вонючий”), *бульбаш* (белорус <— ест одну *картошку*), *буслай* (бойкий, разбитной человек, азиатского типа), *бусурман* и *басурман* (военнослужащий-азиат <— по внешности и жестокости нравов), *верблюд* (рослый заключенный-азиат + человек, обвиненный в чем-либо без достаточных оснований; человек, осужденный по ошибке или сфабрикованному обвинению, + связной с волей), *ветерхан* (проститутка

азиатского типа; по внешности), *газель* (красивая девушка-азиатка, с миндалевидными глазами), *гайдамак* и *гайдук* (военнослужащий внутренних войск МВД + контролер в ИТУ + член ДНД или оперотряда + житель западной Украины), *гако* (дядя + друг; по грузинской, кавказской внешности), *геца* (красивая проститутка неславянской национальности), *гец* (еврей + обман, мошенничество), *джага* (нож с саблевидным лезвием + авторитетный вор неславянской национальности).

7. В польском уголовном жаргоне, в отличие от жаргона русскоязычного, очень активны, с одной стороны, лексика, заимствованная из христианской традиции, с другой же - пренебрежительно-оскорбительные названия католических священников, а также приравнивание их, в жаргонных номинациях, к официальным представителям карательных органов. Надо отметить, что и иная христианская атрибутика приобретает в речи, с преднамеренным искажением ее, привычного всем, значение, насмешливо-иронического характера. Приведем некоторые из многочисленных примеров:

- 1) ксенз - *apostol*, *baran* (он же жертва кражи и клиент проститутки, а так же пьяница), *baranek boży*, *boży ogier*, *byk boży*, *czarniel*, *czarnuch*, *czarny*, *duchowy*, *dziecko diabła*, *faraon* (он же “полицейский” и “обворовывающий банки”), *faryzeusz* (он же “смотровое окошко в камере”, иначе *judasz*), *gałach*, *gałuch*, *święty ogier*;
- 2) *duchowy* (костел), *dzięciół* (“дятел”, он же “взломщик”, “мошенник”, “безграмотный заключенный” и проч.), *fara* (костел); *cnot(k)a* (монашка, т.е. девственница, ср. русск. жаргон - *целка*); *dar boży* (хлеб) *gaśnica* (костельный); *klasztor* (колония для несовершеннолетних + места заключения + суд + женская школа), *watykan* (суд, то же, что и в жаргоне *kościół*, *ksiądz*); *papież* (ксенз-преступник и заключенный + селедка как еда, особенно тюремная, + конмендант полицейского отряда + начальник арестантской);
- 3) *apostol* (адвокат + судья и др.), *aniol(ek)* (полицейский + медсестра + охранник в тюрьме + контролирующее лицо в зоне заключения + адвокат и др.), *aniol baba* (девушка, часто и охотно соглашающаяся на сексуальный контакт), *barabas* (веревка, канат <— от библейск. имени), *betlejemka* (камера-изолятор + хозяйственное строение на территории тюрьмы или лагеря), *bóg* (следователь, часто армейский офицер, видимо, органов госбезопасности <— от “всемогущий”), *chrystopradawiec* (преступник, сотрудничающий с работниками карательных органов, <— от Иуда), *chrystus* (селедка как еда, нередко в тюрьме), *chrzesny* (сотрудник полиции + аферист в народном хозяйстве), *chrzest* (ритуал посвящения новичка в преступной среде, всегда носящий садистский и унижительный характер), *czarny* (полицейский + печальный человек + хлеб), *duchowny* (мошенник, практикующий под видом ксенза), *duchowy* (офицер-следователь), *duchówa* (кладбище), *święto konia* (онанизм, ср. русск. *валить коня*, то же); *święty* (карманный вор + оперативный работник полиции + комендант полицейского отряда); *święty grzechy*, *grzyby*, *leki* (наркотики).

Сюда, однако, не следует относить польск. *biblia* и русск. библия - как “книга” и дословный перевод с древнееврейского, через греческий. Аналогичное употребление в русском жаргоне *сказка* - как выдуманная биографическая история вора либо проститутки (рассказываемая ими). Сюда же не отнесем понятие *madona* и *мадонна*, свойственное обоим жаргонам: у русских это “красивая девушка” (акцент - *невинная, нетронутая*), у поляков “элегантная женщина” (в противовес обычному *snota*). Для польского арго характерна также нейтральная номинация *магдаленка* (*magdalenka*) - “девушка с социального маргинеза”. В совр. русском жаргоне *магдалена* имеет узкое значение - “проституирующая себя жена моряка дальнего плавания” (преимущественно дальневосточное).

Русскоязычному жаргону такие номинации вовсе не свойственны. Напротив, заключенные, потерпевшие за вероисповедание и продолжающие, вопреки тюремно-лагерным обстоятельствам, исповедовать свою веру (при этом не играет роли - какую), пользуются в местах заключения определенным уважением и даже авторитетом (как “страдалцы за веру” и “за убеждения”). Об этом свидетельствуют такие лексические примеры, которые, в отличие от польских, можно свести в единую группу религиозной принадлежности:

- 1) *аид* (авторитетный еврей) и *аида* (красивая женщина еврейского происхождения; от родового евр. имени Иегуда), *аллах* и *аллахи* (азиат, азиаты → все время молятся), *аман* (сдаюсь, помилуй! + большой рот, пасть; от имени главного притеснителя еврейского народа, мотив Пурима), *аманья* (льстивый человек, монастырск.), *аскар* (независимый человек, восточного типа, + гордый и нестигаемый мусульманин), *ашкиназик* (смуглый еврей; номинация по религиозной принадлежности), *бабай* (дед старик + старый татарин + устар. ростовщик), *барисразл* (еврей, букв. с иврита: сын Исаэля; номинация по религиозной принадлежности), *барон* (глава большой цыганской семьи; ср.: *жить* или *устроиться как фон барон*), *басурман* (заключенный-мусульманин + мусульманский священнослужитель), *батор*, *батар*, *батыр* (отец, как уважительное обращение, + пожилой уважаемый человек, азиат), *бильбальдо* (некрещеный, т.е. не православный по вероисповеданию), божник (человек, осужденный за правонарушение, связанное с его религиозными убеждениями, напр., служитель культа либо сектант), *бриц* (еврей, по вероисповеданию, т.е. “обрезанный”), *водолаз* (священнослужитель), *галах* (бритый, лысый + католический священник), *гедин* (честный человек ← из др.-евр. и о еврее).

8. Нивелирование института семьи, всегда свойственное уголовному миру, нераздельно связано с другим разрушительным явлением: человек, оторванный от семьи, от родовой памяти и родовых отношений, неизбежно отделяется и от своего народа. Лексемы жаргона, означающие народности или национальные признаки, не носят какой-либо позитивной окраски; и даже общеупотребительная лексика, в обычном языке, не уголовного мира, означающая ту или иную национальность, на языке уголовном приобретает смысл негативного ярлыка: 1) *дурак* (тупой и не приспособленный к жизни), 2) *грязный* (внешне и в поведении своем запачканный), 3) *умственно отсталый* (недоносок, отвергаемый и презираемый). Сами же лексемы

уголовного жаргона, обозначающие - обычно через опосредованные номинации - национальность, часто носят презрительный и оскорбительный характер. Эти жаргонные тенденции выражают следующие закономерности:

- 1) Национальность является источником явных индивидуальных отличий определенной группы людей, причем эти отличия врожденные и не устранимые. Повод для унижения человека и презрения к нему, для отвержения его окружающими и исключения его из социальной группы (среды, камеры, лагеря).
- 2) Национальность обуславливает не только и не столько конституциональные врожденные особенности человека и его антропологические черты: национальность - это, в первую очередь, национальное сознание и национальная общность, достаточно жестко ограниченная в языковом, культурном и мировоззренческом отношении. В условиях уголовного мира трансляция культурного и родового опыта народа прерывается (вне семьи, в которой сохраняются национальные ценности и традиции).
- 3) Народ, к которому принадлежит человек по крови, по культуре и ценностям, является истоком существования и развития его внутреннего мира, в нем корни и истоки человеческой личности и индивидуальности. В уголовной среде человек обезличивается, максимально уравнивается с другими (по всем индивидуальным признакам, кроме признака *место в иерархии*). Он становится как бы порядковым номером на ступенях лестницы отношений насильственного подчинения (в коммуникативной модели *объект насилия - жертва насилия*, крайними точками которой являются *начальник - зэка, заключенный, и лагерный авторитет - лагерник опущенный, всемерно униженный и презираемый*).

Национальность и религиозные традиции в уголовном мире являются причиной страданий и поводом для стигматизации, растравления ран души. Национальность по крови, вне духовной культуры, не формирует самосознания личности, но напротив, является причиной многих неприятностей, дискомфорта человека в уголовной группе. Национальность, ограниченная внешними признаками и происхождением, вызывает у носителя ее признаков желание избавиться от нее. В уголовном мире человек не хочет иметь национальности, или хочет иметь не свою, а другую, якобы менее презираемую: в Польше быть поляком, в России быть русским. Та же тенденция наблюдается в тоталитарном обществе и его уголовных проявлениях и в плане атеистического обезличивания либо, как форма его же псевдорелигиозной *уравниловки*: большинство официально придерживается марксистско-ленинской идеологии либо, как националистического направления, постсоветской профанированной форма православия или же официозного папизма, поскольку иные и более массовые формы католицизма и христианства находятся за пределами актуальной государственной политической программы лидеров. Конформизм облегчает сосуществование.⁸

8. Свое привилегированное отношение к безликому большинству носитель жаргона, будучи субъектом речи, выражает при этом негативистскими речевыми актами в адрес унижаемого и даже уничтожаемого меньшинства (как реального, так и воображаемого, что и отражено наглядно в лексических фондах смежных уголовных жаргонов).